

Сегодня — 150 лет со дня рождения Н. В. Гоголя

Смех Гоголя

Вспомним Герцена: «Вся литература времен Николая была оппозиционной литературой, непрекращающимся протестом против правительственного гнета, подавлявшего всякое человеческое право. Подобно Протею, эта оппозиция принимала всевозможные формы и говорила на всевозможных языках. Слагая песни, она разрушала; смеясь, она подкапывалась».

Смех был самым грозным оружием, из которого русская классическая литература вела огонь против самодержавного строя. От Кантемира к Фонвизину, через Грибоедова и Гоголя к Щедрина и Чехову — от одного поколения к другому передавалась историческая эстафета русской сатиры. Гоголь обогатил ее новым содержанием и придал ей невиданную ранее глубину и силу художественного обобщения.

Уже цикл повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» был отмечен характерными для этого писателя чертами иронии и юмора. Но то была еще не всеохватывающая гоголевская сатира. Это пока только лукавая усмешка, не омраченная горестными раздумьями о буднях современной жизни. И надо было обладать зорким глазом Пушкина, чтобы в этой светлой усмешке почувствовать фонвизинскую сатирическую искру.

Пройдет всего несколько лет, и в повестях «Миргород» Гоголь явится перед читателем во всеоружии своего сатирического таланта. В изображении тусклого быта старосветских помещиков и беспросветной пошлости миргородских «существователей» открывается уже истинная сила гоголевской сатиры. Она была нацелена на «несовершенство» жизни, на «страшную, потрясающую тьму мелочей», которая засасывает в себя человека.

«Смех — великое дело, — писал Гоголь, — он не отнимает ни жизни, ни имени, но перед ним виновный — как связанный заяц».

Власти уездного городка принимают проходивца, фитильку за важную персону. Они суют ему взятки и радуются тому, что обманули ревизора, не подозревая, что сами окажутся обманутыми. Вот они все стоят в знаменитой — немой сцене в финале комедии, оглушенные и

потрясенные случившимся. И каждый из них в отдельности и все они совокупно предстают перед зрителем, как пойманная на месте преступления шайка воров и казнокрадов, над которой великий писатель учинил публичную казнь смехом.

После премьеры «Ревизора» в Александринском театре в Петербурге на голову Гоголя обрушились обвинения в том, что он выдумал в своей комедии небывальщину, что он оклеветал честное русское чиновничество, государственную власть. Ему угрожали Сибирью и кандалами. Когда такого же рода реакцию вызвала постановка «Ревизора» в московском Малом театре, один из современников, по свидетельству М. С. Щепкина, остроумно заметил: как же могла публика поступить иначе, если одна половина — дающая, а другая — берущая.

Известный актер И. И. Лавров рассказывает в своих воспоминаниях характерный эпизод из истории театральной провинции сороковых годов, прошлого века.

Дело происходило в Ростове. В местном театре давали «Ревизора», едва ли не впервые в этом городе. Театр был набит до отказа. Спектакль почтил своим присутствием местный городничий, имевший по иронии судьбы тоже двойную фамилию — вроде Сквозника-Дмухановского. Предоставим слово мемуаристу: «При первых сценах начало его (ростовского городничего) коробить: стал он озирается на публику, которая гротескно, взглядывая на городничего, их утешителя. Едва кончился первый акт, как он взбежал на сцену и начал ругаться и кричать: как смели вы написать и представлять публично такой пастьвал на начальство?».

Разбушевавшемуся градоправителю попытаться было внушить, что, мол, пьеса написана известным писателем Гоголем и что ее представляют в столицах. Но он не унимался.

— Врете!.. — кричал он. — Не может быть, чтобы дозволили такое неприличное глумление!.. Я запрещаю продолжать! Играть что-нибудь другое!..

Смятение началось на сцене и в зрительном зале. Городничего насилу от-

правили домой. Уязвленный градоначальник, по словам Лаврова, подал на актеров жалобу.

А вот еще один примечательный штрих. В 1849 году С. Т. Аксаков сообщил Гоголю о постановке «Ревизора» в Рыбинске. Здесь повторилось то же, что происходило во многих театрах страны на протяжении предшествующих тринадцати лет с момента появления гоголевской комедии. Партер, в котором восседала знать города, поначалу смеялся, а потом стал выражать крайнее возмущение. Тут актеры и зрители как бы поменялись ролями. Аксаков писал: «В половине пьесы актеры, видя, что зрители больше их похожи на действующие лица, помирали все со смеху».

Власть имущие узнавали себя в произведениях Гоголя и платили ему смертельной ненавистью. В то же время отношение к этому писателю в демократических кругах общества доходило, по выражению известного художественного критика В. В. Стасова, до «фанатического обожания». Кажется, ни один из великих русских писателей XIX века не вызвал вокруг своего творчества столь ожесточенной идейной борьбы, как автор «Ревизора» и «Мертвых душ». Белинский справедливо отмечал, что к таланту Гоголя «никто не был равнодушен: его или любили восторженно, или ненавидели».

Помещиков, чиновников, правителей России страшил смех Гоголя. Свообразие его сатиры и отличие от сатиры, скажем, XVIII века состояло в том, что она объективно была направлена не против отдельных личностей, дурных исполнителей закона, а на «общий порядок вещей». Хотя действие «Ревизора» происходило в маленьком захолустном городишке, от которого хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь, но обобщающая сила комедии

была такова, что за галереей мелких чиновников незримо витала вся государственная власть царской России. Под «мертвыми душами» разумеется в гениальной поэме нечто гораздо большее, чем то, что составляло предмет купли-продажи у Чичикова и помещиков. Само уже заглавие поэмы таило страшное для всего крепостнического строя обобщение и носило в себе, по выражению Герцена, «что-то, навещающее ужас». Петербургская цензура недаром потребовала от автора изменить заглавие книги. Так она и называлась во всех дореволюционных изданиях — «Похождения Чичикова или Мертвые души». Такое название, по мысли цензуры, должно было придать похождениям Чичикова безвредный авантюрно-приключенческий характер и притупить сатирическое жало гоголевского смеха.

Но этот маскарад не мог никого обмануть. Русская литература еще не знала раньше произведения, в котором с такой потрясающей реалистической мощью, с такой энциклопедической полнотой была бы раскрыта картина истинного положения дел в крепостнической России. «Гоголь получает отовсюду известия, что его сильно ругают русские помещики, — сообщал одному своему корреспонденту поэт Н. М. Языков; — вот ясное доказательство, что портреты их списаны им верно и что подлинники задеты за живое! Таков талант! Многие прежде Гоголя описывали жизнь-бытие русского дворянства, но никто не рассердивал его так сильно, как он».

Смех Гоголя творил великое дело. Он развенчивал легенду о «фасадной империи» Николая I, разрушал иллюзии о ее мнимом могуществе, обнажал всю подлость и несостоятельность полицейско-бюрократического режима, укреплял веру в возможность иной, более совершенной действительности.

Именно к ней была постоянно обращена мысль художника. Мечта о прекрасной действительности одухотворяла его сатиру. В обличении писателем современного ему строя жизни проявилась его любовь к народу, к своей родине.

Смех был для Гоголя не только оружием казни всего прогнившего, исторически обреченного, но и способом выра-

жения его идеала истинной жизни. О «Мертвых душах» Белинский говорил, что эта гениальная сатира дышит страстной любовью к «плодовитому зерну» русской жизни, то есть народу.

«Нет, бывает время, когда нельзя иначе устремить общество или даже все поколение к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости». В этих строках писатель говорил и о себе, и о своем времени. Его сатира была одушевлена не только пафосом отрицания, но и поиском положительного идеала. И он страстно искал его.

Гоголь находил такой идеал в героической борьбе украинского народа за свою национальную независимость. В огне этой справедливой борьбы рождаются сильные, мужественные характеры, подобные Тарасу Бульбе и его товарищам по оружию.

Повесть «Тарас Бульба» тоже окрашена ярким юмором. Но природа гоголевского смеха здесь иная, чем в «Ревизоре» и «Мертвых душах». Смех Гоголя в этой повести — не карающий, он светел и лучится нежной любовью к ее героям. Он усиливает их обаяние и человечность, оттеняет их высокий нравственный порыв, их патриотизм, их беззаветную преданность Сечи, «русской земле».

«Тарас Бульба» — свидетельство поразительного многообразия гоголевского гения. Ни в одном писателе мира не совмещались возможности столь разнообразного отражения жизни, столь разнообразных художественных красок в изображении сатирических и героических образов, как это мы видим, скажем, в «Ревизоре» и «Тарасе Бульбе».

Гоголь прожил недолгую, но драматически трудную жизнь. Он хорошо видел беды и несчастья своего народа и пылливо вглядывался в его будущее. Он был убежден, что Россия в дороге и что великие усилия человеческие помогут ей прийти к цели. С какой неотразимой мощью этот мотив дороги, вихрем несущейся «птицы-тройки», всепоглощающего движения вперед выражен в первом томе «Мертвых душ! Кто не помнит знаменитых, полных лирического обаяния строк, которыми кончается эта книга: «Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земли, и косясь постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

Гоголь хотел видеть свой народ свободным и счастливым. Гениальным чут-

ем он верил в великое будущее своей родины. И эта вера была главным источником вдохновения, когда писатель создавал свои произведения.

Но мировоззрение Гоголя было сложным и противоречивым. Свойственная писателю «теснота горизонта» (Чернышевский) мешала ему верно уяснить многие стороны современной жизни и сделать из них правильные выводы. Напряженно размышляя о путях-дорогах своей страны, Гоголь порой допускал ошибки, оступался и падал. В последние годы жизни он выпустил реакционную книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», подвергнутой Белинским острой и справедливой критике. Гоголь пытался в духе этой книги писать многие страницы второго тома «Мертвых душ» и за десять дней до смерти бросил в печь готовую рукопись...

Эти печальные обстоятельства последних лет жизни писателя, однако, насколько не колеблют значения художественного подвига, им совершенного. Смех Гоголя заключал в себе заряд огромной силы. Его сатира пробуждала сознание народа, все более проникавшего негодованием против своих вековых угнетателей. Его сатира, говорил Чернышевский, пробудила «в нас сознание о нас самих».

Традиции Гоголя дали хорошие всходы в творчестве последующих поколений русских писателей. Важнейшим элементом этих традиций были юмор, ирония, сатира — те различные формы, в каких проявлялся смех Гоголя.

Гончаров однажды сказал о Глебе Успенском: «Гоголь оставил ему в наследство несколько десятин своего великодушного имени — свой юмор...». Немало «десятин» гоголевского смеха унаследовали Щедрин и Чехов, Горький и Шолохов. Сатирическая школа Гоголя до сих пор остается школой художественного мастерства, мимо которой не может пройти ни один современный писатель.

Незадолго перед смертью Гоголь писал: «Знаю, что мое имя после меня будет счастливее меня».

Он оказался прав. Никогда его имя и его творчество не были окружены такой всенародной любовью, как ныне. Его смех несколько не утратил в наше время своего обаяния и своей боевой силы. Он продолжает оставаться на вооружении народа, помогая вытравлять из сознания некоторой части людей ржавчину прошлого и тем самым расчищая нашей Родине дорогу к великим и светлым далям.

С. МАШИНСКИЙ.

